

11. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972.
12. Народный суд. Воронеж, 1970.
13. Нокербеков М. Предмет доказывания в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1964.
14. Петелин Б. Я. Методы установления вины // Сов. гос-во и право. 1983. № 10.

Н. Г. Стойко

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕОТВРАТИМОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И УСТАНОВЛЕНИЕ ВИНОВНОСТИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Уголовное судопроизводство представляет собой сложную полипроцессуальную и полицелевую деятельность, понимаемую так: «...специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которого составляет его целесообразное изменение и развитие» (15. С. 151; см. также: 8.С.85; 10.С.214, 223). Осуществляться она должна в соответствии с личной позицией (реальным самоопределением, обусловливаемым воспитанием) представителей органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, их целевой функцией (ролью и социальным назначением, определяемым законом) и жизненной ситуацией.

От первой зависит идеологическое, политическое и нравственное содержание уголовно-процессуальной деятельности, от второй — движение уголовного дела (формальное функционирование), от последней — особенности конкретного судопроизводства.

С учетом сказанного уголовный процесс можно интерпретировать как деятельность, направленную на достижение нравственно-психологических, правовых и познавательных целей. На наш взгляд, речь идет о трех группах задач (целей), сформулированных в ст. 2 УПК РСФСР:

- 1) быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение всех виновных в их совершении (познавательные);
- 2) обеспечение правильного применения закона (правовые);

3) соблюдение того, чтобы каждый виновный был подвергнут справедливому наказанию с точки зрения как возмездия, кары, так и исправления и перевоспитания (нравственно-психологические).

Согласно первой группе целей уголовное судопроизводство есть познавательно-практическая деятельность, имеющая своим объектом преступление (т. е. часть объективного мира, выделенную практикой). Это опосредствованный объект, который в деятельности соответствующего субъекта может быть представлен только идеально, так как реально он для данного субъекта всегда в прошлом. В настоящем же есть только круг непосредственных объектов, образующих предметную область, где субъект реализует свои цели с помощью имеющихся средств. Это реальный предмет познания в уголовном процессе. Особенность его в том, что он всегда находится как бы в правовой рамке, которая накладывается на «непосредственные» объекты при совершении предусмотренных законом действий. Через правовую рамку реальный предмет связан с идеальным как с опосредствованным отражением самого себя (см.: 2. С. 56).

В соответствии со второй группой целей уголовное судопроизводство представляет собой правоприменительный процесс (т. е. применение норм права уголовного и уголовно-процессуального в первую очередь). Причем данный процесс не должен, по нашему мнению, рассматриваться только как подведение под норму права конкретной жизненной ситуации, но и как использование правовых норм в подобных ситуациях в качестве функциональных средств организации деятельности. Речь идет об организации судопроизводства в систему как в формально определенную правом последовательность и взаимосвязь процессуальных действий. В этом смысле такие действия будут образовывать процесс целевого функционирования, в котором внешне отразится определяемая законом роль и назначение лица, представляющего государственной орган, ведущий борьбу с преступностью.

По логике законодателя (ст. 2 УПК РСФСР) выполнение первой и второй групп задач необходимо для того, чтобы обеспечить неотвратимость уголовной ответственности, справедливость наказания, понимаемого нами скорее в смысле исправления, нежели кары. Следовательно, третья группа задач является главенствующей (генеральной), которой подчинены все остальные.

С точки зрения нравственно-психологических целей каж-

дое действие конкретного должностного лица в уголовном процессе должно осознаваться им как общественно-значимое, т.е. выражать его личную позицию, быть поступком. В данном смысле судопроизводство — нравственный процесс, отражающий реальное самоопределение должностного лица, обусловленное его воспитанием. Обращенный к себе (в плане личной ответственности как осознания, переживания) процесс приобретает характер формирования внутреннего убеждения, перерастания сомнений в уверенность, выражения личностной позиции (см.: 4.С.25; 5.С.33). Обращенный во вне (в плане возложения ответственности) — характер убеждения другого лица, т. е. склонения его к определенному мнению (см.: 14.С.289), к осознанию, переживанию им своих действий как социально полезных в одном случае или социально-вредных — в другом. Особенность ответственности здесь — ее правовая форма: уголовно-процессуальная (если речь идет об осознании необходимости и полезности следования уголовно-процессуальным нормам) или уголовно-правовая (если речь идет об осознании необходимости и, полезности выполнения уголовно-правовых норм).

Сказанное, однако, не означает, что мы сводим содержание ответственности к субъективным моментам, как это сделал, например. В. Г. Смирнов (см.: 12. С. 79). Внешне уголовная ответственность будет проявляться в правопослушном, правомерном поведении, соответствующем уголовно-правовым нормам (объективная сторона ответственности) (см.: 7. С. 515; 13. С. 22, 29), но определяться будет все же сферой сознания. На это правильно указывает С. С. Алексеев, имея в виду ответственность в широко позитивном смысле (см.: 1. С. 204, 277). Ведь понятие ответственности в философско-социологическом плане отражает «объективный, исторически конкретный характер взаимоотношений между личностью, коллективом, обществом с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним требований» (15. С. 469). Причем речь идет о сознательном выполнении предусмотренных уголовно-правовыми нормами требований; выполнении, основанном на установках, ценностях, стремлениях и т. п. личности быть полезной обществу, служить интересам последнего (субъективная сторона ответственности).

Таким образом, уголовная ответственность может рассматриваться как позиция (реальное самоопределение) лич-

ности, являющаяся, с одной стороны, результатом воспитания (в том числе правового), а с другой стороны, результатом правоприменительной деятельности государства (см. : 6. С. 37). В таком смысле выделение двух аспектов уголовной ответственности — ретроспективной (негативной) и проспективной (позитивной) — будет весьма условным, поскольку они характеризуют не столько явление, сколько основания и механизм его возникновения. В первом случае мы говорим о сопровождающемся негативной оценкой за прошлое механизме перевоспитания, исправления личности с антисоциальными установками, ценностями и т. д., которые выражаются в отклоняющемся от общественных требований поведении. Во втором — о сопровождающемся позитивной оценкой за настоящее и будущее механизме становления личности, у которой еще только формируются или закрепляются социально полезные установки, ценности, привычки и т. п., что отражается в правопослушном в целом поведении. "В обоих случаях общество должно определенным образом реагировать на поведение соответствующих лиц, прекращая, пресекая или поощряя их через систему внешних требований и воздействий, пока эти требования не будут восприняты и не станут внутренней основой мотивации уже ответственного поведения конкретного лица (не из боязни наказания и не по принуждению).

Иначе говоря, возложению ответственности должно корреспондировать принятие ответственности. Тогда само общество действительно поступает ответственно, т. е. берет на себя, на свои органы, ведущие непосредственную борьбу с преступностью, социальную ответственность за ее успешное осуществление, что требует постоянного развития этих органов.

Понятно, что социальная ответственность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда (и индивидуальная ответственность их представителей) и индивидуальная ответственность лица, совершившего преступление, не могут отождествляться, так как относятся к разным лицам, занимающим разное общественное и правовое положение, имеют различную правовую форму, особенности внутреннего и внешнего выражения. Первая — форму уголовно-процессуальной ответственности (в ее индивидуальном и социальном выражении) дознавателя, следователя, прокурора, судьи, предполагающей изменение их собственной деятельности с целью изменения деятельности лица, совершившего преступление, и предупреждения отклоняющегося поведения право-

послушных лиц. Вторая — форму уголовной ответственности осужденного или правопослушного лица, предполагающей изменение только его собственной деятельности. Что касается очевидной связи между указанными видами ответственности, то ее наличие само по себе не дает нам права смешивать их. Поэтому нам представляется не совсем верной точка зрения В. С. Прохорова, характеризующего ответственность, «с одной стороны, как позицию личности, выполняющую требования общества, а с другой — как реакцию общества на поведение, отклоняющееся от общественных требований» (7. С. 512).

Ответственность лица, совершившего преступление, возникающая в ходе и в результате уголовного процесса — всегда ответственность за прошлое. Ее неотвратимостью обеспечивается прежде всего установлением (определением) реального отношения соответствующего лица к совершенному им и инкриминируемому ему деянию. Это отношение, взятое в самом широком контексте установок, ценностей, чувств, привычек и т. п. названного лица, по нашему мнению, есть виновное отношение, виновность в ее нравственно-психологическом выражении. Содержание реальной вины (виновности) в данном аспекте будет значительно шире реальной вины в уголовно-правовом смысле (как психического отношения к содеянному). Последняя рассматривается лишь в контексте преступного поведения (внешне наблюдаемой системы действий), по которому судят о преступных намерениях определенного лица, об осознании им своих действий в форме умысла или неосторожности (см.: 9. С. 260, 265).

Поэтому для выявления вины в уголовно-правовом смысле достаточно распознавания конкретной жизненной ситуации и подведения ее под соответствующую норму уголовного права. В то же время для выявления вины в нравственно-психологическом смысле необходимо еще специальное изучение индивидуальных и личностных качеств лица, совершившего преступление. Лишь на этой основе возможен переход к уголовной ответственности. То есть ответственность в смысле изменения внутреннего плана деятельности (осознания и переживания содеянного как социально вредного) не возникает сама по себе. Требуется механизм возложения ответственности, вызывающий указанные изменения, означающие принятие обвиняемым на себя ответственности.

В известном

лишь в той мере противодействующая преступности, преодолевающая (а не включающаяся в ее воспроизводство), в какой сама дает (воспроизводит) образцы высокой культуры нравственности, ответственного поведения.

Если это так, то конкретному должностному лицу — представителю указанной системы — нужно иметь определенную позицию. По существу речь идет о самоопределении, в общем виде включающем в себя:

1) понимание законодательного и теоретического описания производства по уголовному делу;

2) отношение к этому производству как правовой рамке (средству), используемой в жизненных ситуациях;

3) отождествление себя с социальной системой.

Человек, занимающий данную позицию, в самом широком плане должен уметь творить добро, чтобы кара, возмездие за преступление являлись второстепенными (или даже третьестепенными), подчиненными установке на исправление и перевоспитание, т. е. на возложение ответственности.

По содержанию деятельность такого человека должна представлять собой исследование не обстоятельств совершенных преступлений, а жизненных ситуаций с точки зрения распознавания в них преступлений и изучения индивидуальных и личностных качеств граждан, совершивших преступления (см. :11). По форме — решение конфликтов. Под конфликтом мы понимаем здесь способ существования противоречия, вызванного совершением преступления (см. : 3. С. 43; 16. С. 48), под решением конфликта в жизненной ситуации — исчерпание противоречия в результате волеизъявления и к взаимному удовлетворению сторон (см.: 16. С. 54—55).

Разумеется, указанное противоречие проявляется в уголовно-процессуальной деятельности опосредованно (хотя и непосредственно определяет ее характер) через реконструируемую жизненную ситуацию. Причем, как правило, полностью при производстве по уголовному делу не исчерпывается. Однако появляющиеся в этой связи конфликты не становятся менее острыми и разрушительными, имея преимущественно деструктивный характер. Отсюда возникает задача предотвращения или противодействия такого типа конфликтам.

ной выше позиции будет организация содержательного конфликта. Такой конфликт предполагает соответствие между ценностью процессуальной формы (как правовой рамки) для получения значимого результата в уголовном судопроизводстве и реальной потребностью в ее использовании для получения аналогичного результата в конкретном деле.

Строиться конфликт может, например, на столкновении деятельности по распознаванию преступлений в жизненных ситуациях и изучению индивидуальных и личностных особенностей обвиняемого. Выразаться — в различиях и взаимосвязи нравственно-правовой (с точки зрения возмездия, кары) и нравственно-психологической (с точки зрения исправления, перевоспитания) оценках содеянного и содеявшего. Складываться — в условиях конкретных ситуаций производства по уголовному делу на основе и в процессе убеждения в существовании тех или иных фактов.

Сторонами подобного столкновения, имеющего целью возложение уголовной ответственности, могут быть в принципе любые лица — носители процессуальных интересов, но в том числе обязательно: представители органов, ведущих процесс (одна сторона), обвиняемые и их защитники (другая сторона). Организаторами — скорее всего должностные лица и адвокаты как наиболее профессионально подготовленные субъекты, могущие обозначить в конкретной ситуации производства по делу (в случае ее бесконфликтного и бессодержательного изменения) тенденцию, противодействующую той, которая осуществляется. Здесь полезно (или даже обязательно) было бы привлечение психологов в качестве специалистов, экспертов, сведущих свидетелей, способных исследовать индивидуальные и личностные качества обвиняемого, содействовать организации содержательного конфликта.

Особенно важна личная ответственность организатора за развитие ситуации по делу и, таким образом, изменение им своей собственной деятельности с целью изменения деятельности другой стороны. Только тогда возникнут условия для перехода обвиняемого от ролевого участия в деле (формального функционирования) к позиционному (с раскрытием установок, ценностей и т. п.) и, в конечном счете, для принятия им на себя ответственности.

Понятно, что сказанное потребует определенных изменений в законе (например, участие защитника по всем делам с момента появления подозреваемого или обязательное уча-

ствие психолога в решении вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям).

Таковы наиболее общие моменты возложения на обвиняемого и принятия им уголовной ответственности при установлении его вины (в уголовно-правовом и нравственно-психологическом смысле) в совершении преступления.

1. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1.
2. Арефьева Г. С. Социальная активность. М., 1974.
3. Баев О. Я. Конфликты в деятельности следователя. Вопросы теории. Воронеж, 1981.
4. Бохан В. Ф. Формирование убеждения суда. Минск, 1973.
5. Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975.
6. Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982.
7. Курс советского уголовного права. Л., 1981. Т. 5.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
9. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 11.
10. Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. М., 1982.
11. Барабаш А. С., Помренин К. Г. Состязательность, ее роль в установлении виновности обвиняемого (см. настоящий, сборник).
12. Смирнов В. Г. Уголовная ответственность и наказание // Правоведение. 1963. № 4.
13. Тарбагаев А. Н. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986.
14. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.
15. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
16. Хасан Б. И. О понятийной схеме и особенностях конфликта в деятельности по расследованию преступлений // Проблемы психологии следственной деятельности. Красноярск, 1986.